

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПЕРИОД X – НАЧАЛА XX В.

© 2021 г. Р. Г. Аслаян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Поступила в редакцию 07.12.2020 г.

Аннотация. В статье исследуются исторические аспекты формирования и развития Особенной части российского уголовного права. В основе анализа – памятники права X – начала XX в. и литературные источники. Исследование развивается в трех основных направлениях: а) соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний (здесь выявлен процесс перехода от обычаев к закону как единственному средству выражения уголовно-правовых норм); 2) виды и система уголовных кодексов (здесь показан переход от межотраслевых законов к формированию специализированного Уголовного кодекса); 3) систематизация уголовно-правовых предписаний (здесь раскрываются вопросы классификации преступлений и структуризации уголовно-правовых институтов). В качестве основного итога резюмировано, что к началу XX в. в стране была не только реализована идея создания самостоятельного уголовного закона, но также, во-первых, воплощен на практике принцип пандектного его строения, предполагающий вычленение в структуре Кодекса его Особенной части и, во-вторых, принцип построения самой Особенной части, исходя из институционального строения отрасли и содержания охраняемых законом благ.

Ключевые слова: исторический метод в праве, история Особенной части уголовного закона, история уголовно-правовой науки, систематизация уголовно-правовых норм, классификация преступлений, институты уголовного права.

Цитирование: Аслаян Р.Г. Формирование и развитие Особенной части уголовного права в период X – начала XX в. // Государство и право. 2021. № 8. С. 150–163.

DOI: 10.31857/S102694520012925-8

FORMATION AND DEVELOPMENT OF A SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW IN THE PERIOD OF THE X – BEGINNING OF THE XX CENTURY

© 2021 R. G. Aslanyan

Kuban state University, Krasnodar

E-mail: aslanyanruslan@mail.ru

Received 07.12.2020

Abstract. The article examines the historical aspects of the formation and development of a Special part of the Russian Criminal Law. The analysis is based on legal monuments of the X – beginning of the XX century and literary sources. The research is developing in three main directions: a) the ratio of the law and other forms of expression of criminal law prescriptions (here the process of transition from customs to the law as the only means of expressing criminal law norms is revealed); 2) types and system of criminal laws (here the transition from intersectoral laws to the formation of a specialized Criminal Code is shown); 3) systematization of criminal law regulations (here the issues of classification of crimes and structuring of criminal law institutions are revealed). As the main result, it is summarized that by the beginning of the XX century, the idea of creating an independent criminal law was not only implemented in the country, but also, firstly, the principle of its pandect structure was put into practice, suggesting the isolation of its Special part in the structure of the Code and, secondly, the principle of building the most Special part, based on the institutional structure of the industry and the content of goods protected by law.

Key words: historical method in law, history of a Special part of the criminal law, history of criminal law science, systematization of criminal law norms, classification of crimes, institutions of criminal law.

For citation: *Aslanyan, R.G. (2021). Formation and development of a Special part of criminal law in the period of the X – beginning of the XX century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8. pp. 150–163.*

Введение

Поиск и обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства не может осуществляться без опоры на богатый исторический опыт решения проблем противодействия преступлениям. В конце XIX столетия один из виднейших отечественных юристов А.Ф. Кистяковский писал: «Только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды. <...>. История... дает данные для оценки как старых, так и новых теорий и учений уголовного права»¹. Исторический опыт бесценен не только при решении частных вопросов криминализации и пенализации отдельных деяний, но и при освещении общих проблем формирования и систематизации уголовно-правовых норм. В современных условиях, когда поток внесенных в уголовный закон изменений, по согласованному мнению едва ли не всех специалистов, существенно подорвал начала системности отрасли уголовного права², этот опыт представляется актуальным, а изучение проблем структуры и системы уголовного закона в контексте проблем генезиса и эволюции отрасли приобретает качества важной исследовательской задачи.

История уголовного права вообще и история его Особенной части в известной степени являют собой единый в содержательном отношении процесс зарождения и развития уголовно-правовых запретов. До определенного момента, а именно до структурного обособления Особенной части в системе уголовного закона, эти процессы в принципе были неразличимы. Формирование Особенной части одновременно являло собой формирование уголовного права как целого и наоборот. Более того, стоит учитывать, что уголовно-правовое содержание является доминирующим во всем объеме памятников права раннего средневековья, в связи с чем не то, что обособление Особенной части уголовного права, но и выделение уголовного права как такового — методологически сложная задача,

¹ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. 2-е испр. и значительно доп. изд. Киев, 1882. С. 41.

² См.: *Bezverkhev A. G., Norvartyan Yu. S. Systematicity of the Criminal Legislation of Russia: Methodology Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. T. 12. № 3. С. 325–342.*

решение которой может быть исключительно уголовным. Раннее право по природе своей синкретично, цельно, нераздельно, объединяет предписания, которые ныне могут быть отнесены к различным отраслевым положениям, вбирает в себя не только собственно правовые нормы, но и иные социальные регуляторы — от правовых обычаев до моральных установлений³.

Приступая с учетом этих оговорок к собственному анализу, отметим, что в центре внимания — процесс зарождения и развития Особенной части уголовного права как определенной формы представления уголовно-правовых запретов. Именно на основные характеристики этой формы, причем с точки зрения ее современного понимания мы и сделали акцент. Полагаем, что оптимальному раскрытию темы в данном случае будет способствовать анализ таких проблем, как соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний; виды и система уголовных законов; систематизация уголовно-правовых предписаний и формирование институтов Особенной части.

Что касается хронологических рамок исследования, то они определены нами, исходя из необходимости дифференцированного анализа положений, прежде всего досоветского и советского уголовного права, а также тем обстоятельством, что именно в период с X по начало XX в. сложились все основные элементы системы Особенной части уголовного права. В целом же вопрос о периодизации истории уголовного права — вполне самостоятельный и в его решении, как известно, высказано несколько несовпадающих мнений⁴. Однако в контексте решаемых в настоящей статье задач достаточно обозначить лишь наиболее значимые вехи в многовековой истории уголовного права: X–XVIII вв. — период зарождения Особенной

³ См.: *Андреанов В. К. Закономерности развития запретительно-карательных институтов социального регулирования: от табу к уголовному праву // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 121–127; Пудовочкин Ю. Е., Андреанов В. К. Закономерности возникновения уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 6 (24). С. 26–35.*

⁴ См., напр.: *Кораблев П. Н. К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в рос. законодательстве. 2015. № 4. С. 191–194; Кириенко М. С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015; Сизова В. Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. М., 2021.*

части, характеризующийся накоплением нормативного материала; 1813–1845 гг. — период обособления Особенной части в структуре уголовного права; 1845 г. и далее — период развития Особенной части в системе уголовного права.

Соотношение закона и иных форм выражения уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права

В науке убедительно доказано, что русское право, равно как и право иных народов, на ранних этапах своей истории носило характер правовых обычаев, проистекающих из повседневной социальной практики, освещенных религиозным и мифологическим символизмом. При этом исторически само формирование правовых обычаев происходило так, что первоначально кристаллизировались именно запреты, и лишь впоследствии возникают некоторые позитивные обязывания и дозволения⁵. Нормальный, соответствующий природе человека и социума порядок вещей состоял в возможности проявления неограниченной свободы человека, которая тем не менее не должна была выходить за некоторые естественные рамки, угрожавшие самому существованию человека и общества. Эти рамки и фиксируются в первую очередь в сознании древнего человека. Объективируются они, как известно, в форме запретов или табу. Следует согласиться с тезисом о том, что «именно табу, со свойственными им категоричностью и неукоснительным требованием соблюдения, выступили в системе первобытных норм в качестве предпосылки появления в дальнейшем уголовно-правовых запретов и, следовательно, «прародителей» самого уголовного права, которое началось с их формулирования»⁶. Первобытные табу по мере роста начал цивилизации, возникновения и утверждения государственной формы управления обществом трансформируются в обычай.

Специальные исследования древнерусских обычаев на предмет презентации их уголовно-правового содержания⁷ позволяют составить в целом вполне прогнозируемое представление о бытовавших запретах. Среди них: убийство, похищение девиц, небрачное сожителство, срамословие, еда нечистой пищи, подобный звериному образ жизни, кражи и некоторые другие. Вполне логично, что эти запреты касались по преимуществу двух основных групп деяний: причиняющих вред личности и нарушающих владельческие отношения. Они восходили

к общему пониманию преступного деяния как «обида» или как нарушения частных интересов и в своей совокупности вполне удовлетворяли потребности членов общества в обеспечении личной безопасности и поддержании социального мира.

Последующее усложнение социальной организации общества, связанное с формированием государства, потребовало уже иных средств регуляции социальных отношений. В качестве таковых стали выступать нормы писанного права, проистекающие от княжеской власти. Вытеснение обычаев писанными законоположениями происходило, разумеется, не одномоментно, да и в содержательном отношении эти две системы норм до определенного момента совпадали. Не случайно один из первых славянских памятников фиксированного права — Русская правда признается сводом по преимуществу норм обычного права. По мнению ряда специалистов, обычное и княжеское право не только дополняли друг друга, но в некотором смысле были противопоставлены, ориентируясь на решение несовпадающих социальных задач (регулирование внутриобщинных и межобщинных споров, внутригосударственных и межгосударственных отношений)⁸. По мере сжатия «зоны согласия», которая питала силу обычая, по мере социального расслоения, нарастания противоречий между отдельными племенами, родами, общинами в составе Древнерусского государства юридическая сила обычая уменьшалась, и устная правовая традиция все менее отвечала потребностям в сохранении порядка и регулировании общественных отношений⁹. Требовались иные инструменты социального администрирования, в качестве которых все активней стало использоваться «княжеское право», которое было уже немыслимо вне письменной формы. Запись не только обеспечивала техническую потребность в фиксации обычных правовых норм и значительным образом облегчала их применение в судах, но что не менее важно, она позволяла создавать, моделировать новые правила поведения, отменять общеобязательность существовавших обычаев и придавать таким нормативным решениям характер официальности, вплоть до сакральности.

Зарождение письменного права стало «поворотным пунктом» в истории Особенной части уголовного права. Разумеется, появление Русской правды, княжеских уставов и грамот не привело к полному вытеснению обычая из практики регулирования уголовно-правовых отношений, но существенным

⁵ См.: Явич Л. С. Право и социализм. М., 1982. С. 12, 13.

⁶ Андрианов В. К., Пудовочкин Ю. Е. Закономерности уголовного права. М., 2019. С. 65.

⁷ См.: Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013. С. 27–42.

⁸ См. об этом: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 418; Пресняков А. Е. Княжеское право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 439.

⁹ См.: Пудовочкин Ю. Е. Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 12.

образом изменило, во-первых, сам характер этих обычаев, а во-вторых, их соотношение с писаными источниками в деле выражения уголовно-правовых запретов. Можно утверждать, что с этого момента сам обычай отчетливо распадается на два неравноценных в уголовно-правовом смысле вида: с одной стороны, это т.н. «народный обычай», который с появлением писанных актов утрачивает свойство репрезентации уголовно-правовых норм, а с другой — собственно «юридический» или, как его иначе называют, «судебный» обычай, который становится важным средством развития, конкретизации и дополнения системы писаного права.

Взаимоотношения между нормативным актом и судебными решениями в эпоху средневековья не могут восприниматься линейно в том плане, что вторые всегда следовали за первым. Специалисты признают творческую силу судебных решений и факт фиксации в писанных актах как конкретных судебных постановлений, так и постановлений, которым придавалось всеобщее значение¹⁰. Не исключается и непосредственное применение судебных обычаев в ситуациях пробельности нормативных актов. Только к середине XVI в. взаимоотношение этих форм выражения права получает официальную регламентацию. В ст. 98 Судебника 1550 г. впервые было установлено твердое правило: разрешать все дела на основании норм Судебника, «а которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государеву докладу и со всех бояр приговору вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати»¹¹. О том, насколько это требование было реально выполнимо и насколько оно соблюдалось, о том, насколько были возможны своевременные и единообразные «приписки» к Судебнику, специалисты высказывают критические суждения¹². Но нам важно зафиксировать сам факт: середина XVI в. — это время, когда именно закон, т.е. писанный нормативный акт, принятый в установленном порядке, признается единственным легитимным источником права вообще и уголовного права в частности. Отныне все уголовно-правовые запреты должны быть выражены в законе, а закон должен стать единственной формой выражения Особенной части уголовного права.

Эта идея пронизывает все последующее развитие права. Так, правила ст. 98 Судебника были

¹⁰ См. об этом: *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 13–17.

¹¹ Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 4. Памятники права периодакрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / сост. А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.И. Копанев, А.Г. Поляк; под ред. и с предисл. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 260.

¹² См.: *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. С. 18.

подтверждены в Соборном уложении 1649 г. В ст. 1 и 2 гл. X «О суде» значилось: «судом судити и росправа делати по Государеву указу вправду, а своим вымыслом в судных делах по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти, ни убавляти»; «а спорныя дела, которых в приказах зачем вершити будет не мощно, взносити из приказов в доклад к государю царю... и к его государевым бояром и окольничим и думным людем. А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе»¹³. 17 апреля 1722 г. Петр I издает Указ «О хранении прав гражданских...», в котором предписывает: «Сим указом, яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякия дела вершити и располагать не против регламентов, и не точию решить, ниже в доклад выписывать то, что уже напечатано... Бude же в тех регламентах что покажется темно, или такое дело, что на оное яснаго решения не положено: такая дела не вершити, ниже определять, но приносить в Сенат выписки о том; где повинны Сенат собрать все Коллегии и об оном мыслить и толковать под присягою, однакож не определять, но положе например свое мнение, объявлять Нам, и когда определим и подпишем, тогда оное напечатать и приложить к регламентам, и потом в действо по оному производить»¹⁴.

Эти законодательные решения, разумеется, не исключили судебные обычаи из разряда источников Особенной части уголовного права, но придали им подчиненное, в известной степени второстепенное значение. Судебный обычай был лишен статуса формы права, определяющей преступность и наказуемость деяний. Но сохранил свое значение и до ныне в качестве некоего правоприменительного образца. А это перенаправило энергию противостояния закона и обычая в иное русло, в область соотношения законодательной и судебной власти в части установления содержания и границ судебного толкования закона. Известная и неутраченная дискуссия о роли и значении судебной практики, решений Верховного Суда РФ и постановлений Пленума Верховного Суда в разрешении проблем уголовно-правового регулирования — прямое тому подтверждение.

Виды и система уголовных законов

Возникновение и утверждение законов в качестве источников уголовного права дает возможность в качестве отдельного направления (аспекта)

¹³ Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Е.Г. Баскаковой и др. М., 1957. С. 77.

¹⁴ Там же. Вып. 8. Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Н.А. Дурманов и др. М., 1961. С. 208, 209.

истории Особенной части уголовного права выделить историю именно законодательства. В целях нашего исследования целесообразно выделить два основных направления такого анализа, восходящие, с одной стороны, к эволюции понятия преступления и юрисдикции государства по уголовным делам, а с другой — к видам и системе собственно уголовных законов.

Первое направление исторически предопределено тем, что область государственной юрисдикции по рассмотрению уголовных дел формировалась постепенно и никогда не была равной в своем объеме. Помимо собственно государства значительный объем «права на наказание» принадлежал в истории России и иным субъектам: церкви, семье, помещикам, фабрикантам и др.

Так, с момента принятия христианства на Руси происходит формирование особой сферы церковной юрисдикции. По этому поводу Я. Н. Шапов писал: «Церкви на Руси в X–XII вв. удалось нащупать... сферы права, которые государство, княжеская власть оставила вне своих интересов, и наложить свою руку на большую группу общественных институтов, не встретив со стороны государства препятствия»¹⁵. К области церковного суда на основании Уставов князя Владимира и князя Ярослава относилась весьма обширная группа посягательств: супружеская измена, похищение девушки и чужой жены, изнасилование, внутрисемейное насилие, браки между родственниками, принуждение к вступлению в брак, позорные оскорбления, посягательства на имущество церкви¹⁶.

По мере закрепощения крестьянства и нормативного оформления сословий развивалась и сфера помещичьего суда. Специальные исследования доказывают наличие широких пределов судебной власти частных лиц, которая выражалась в праве господина судить зависимых от него людей, причем власти, основанной на государственных установлениях, поддерживаемой государством. Так, Указ 1736 г. предоставлял помещикам право наказания крепостных за побег, Указ 1760 г. дозволил ссылать крепостных в Сибирь, Указ 1765 г. предоставил право ссылать крепостных в каторжную работу «за предрезостное состояние»¹⁷.

¹⁵ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 140.

¹⁶ См.: Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. и с предисл. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 237, 238; 259–262.

¹⁷ Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (по изд. 1957 г.). СПб., 1995. С. 746.

Эти и иные нормативные акты, определяющие область церковной, помещичьей и т. д. юрисдикции, описанные в них деяния, составляют особый «срез» уголовного права. Санкционируя суд за совершение таких деяний, государство признавало их неправомерность, поддерживая карательные санкции, уравнивало их по степени опасности с преступными деяниями, но выделяя в отдельную и формально — негосударственную область судопроизводства вместе с тем и отделяло от уголовно-противоправных деяний. Такая двойственность затрудняет определение правовой природы исследуемых нормативных актов и не позволяет категорично и однозначно решать вопрос о возможности признания их источниками уголовного права, а предусмотренные в них составы правонарушений — компонентом системы Особенной части уголовного права. Однако необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство: разграничивая виды судопроизводства, государство, пусть и не всегда отчетливо, стремилось, тем не менее оставить за собой эксклюзивное право определения видов правонарушений, которые подлежат различным судам. Тот факт, что границы составов правонарушений могли быть определены весьма свободно и предоставляли суду широкие полномочия по их толкованию, а следовательно, и реальному определению сферы «преступного», не должен в данном случае смущать. Он вполне укладывается в общую логику развития права. Генеральная же линия развития Особенной части уголовного права выражается четко: признавая «карательную власть» отдельных социальных институтов, государство, во-первых, стремилось проводить курс на ее ограничение за счет самостоятельного формирования номенклатуры правонарушений; а во-вторых, ограничивало саму область «иной» юрисдикции за счет расширения предметной подсудности государственных (общих) судов. В конечном счете это привело к формированию единой и единственно возможной в стране системы уголовно-правовых запретов, единственной легитимной системы Особенной части уголовного права.

Между тем существовавший на протяжении длительного времени и в полной мере не исчезнувший ныне факт наличия параллельных юрисдикций и параллельных систем правовых запретов, обложенных карательными санкциями, в теоретическом отношении вызвал еще в XIX столетии широкую дискуссию о правовой природе запретов и правонарушений, которые находятся за пределами формального уголовного закона и являются предметом рассмотрения иных, нежели суд по уголовным делам, органов. Эта дискуссия известна как спор о «видах неправды» и видах «уголовно

наказуемой неправды»¹⁸. Она не только в полной мере не завершена, но и, напротив, многократно обострилась в связи с широко обсуждаемой практикой Европейского Суда по правам человека в части формирования и толкования понятия «уголовная сфера», в связи с вопросом о соотношении преступлений и административных правонарушений с практикой установления и применения неуголовно-правовых последствий совершения преступлений и осуждения. Не вторгаясь в обсуждение этих сложных проблем, отметим, что проблема несовпадения «уголовного содержания» и «уголовно-правовой формы» представления запретов имеет давнюю историю и уходит корнями в ранний период формирования уголовного права как отрасли. Она же свидетельствует о возможности и оправданности разделения законов на источники Особенной части в «узком» и «широком» смыслах, а следовательно, и перейти ко второму из выделенных выше направлений анализа — о видах и системе собственно уголовных законов в их стандартном, классическом понимании.

Обозревая историю законов, презентующих нам содержание Особенной части уголовного права, представляется возможным выделить как минимум две значимые тенденции.

Первая и наиболее важная состоит в развитии отраслевой специализации законов. Памятники права Древнерусского государства, удельных русских княжеств и феодальных республик, Московского царства являли собой синкретичные по содержанию документы, охватывающие своим содержанием нормы, относящиеся к самым разным сферам правоотношений, причем нормы по преимуществу казуальные. Это законы, содержащие уголовно-правовые нормы, но не уголовные законы в строгом смысле слова.

Между тем следует подчеркнуть, что даже в этих сборных памятниках права изложение нормативного материала не было полностью хаотичным и содержало определенные начала систематизации. Это находило выражение прежде всего в относительно компактном представлении и группировке норм, относящихся к вопросам уголовно-правового регулирования. Так, например, в ст. 5–7 краткой редакции Русской правды сосредоточены правила об ответственности за телесные повреждения, в ст. 19–21 — об ответственности за

убийство¹⁹. В Судебнике 1497 г. ст. 8–11 посвящены борьбе с убийствами и кражами²⁰.

Наиболее показательным в рассматриваемом плане является, безусловно, Соборное уложение 1649 г.²¹ В этом документе мы наблюдаем не просто ассоциативную группировку уголовно-правовых предписаний, но вполне оформленную в структурном отношении, с выделением самостоятельных глав, презентацию уголовно-правовых норм. Они вполне компактно изложены в гл. 1 «О богохульниках и церковных мятежниках», гл. 2 «О государственной чести и как его государственное здоровье оберегать», гл. 3 «О государеве дворе, чтобы на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было», гл. 4 «О подпещеках, которые печати подделывают», гл. 5 «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги», гл. 21 «О разбойных и татинных делах» и гл. 22 «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказанье».

Но, пожалуй, первый собственно уголовный кодекс, систематизированный нормативный документ, максимально «очищенный» от предписаний неуголовно-правового характера, демонстрирует нам Вторая книга Воинского устава Петра I, известная как Воинский артикул с кратким толкованием (1715 год)²². А.А. Герцензон прямо назвал Артикулы «в полном смысле Уголовным кодексом без общей части, каковой в то время не было и в западноевропейских уголовных кодексах»²³. Это крайне важно. Если допустимым образом гиперболизировать оценки законотворческой деятельности Петра I, то можно утверждать, что его эпоха положила конец крупным, единым межотраслевым сборникам законов и открыла период подготовки и представления нескольких сборников предписаний, по преимуществу отраслевых.

С этого момента идея самостоятельного, отраслевого уголовного закона стала доминирующей. Ее официальное признание и первое полноценное нормативное воплощение произойдет позже, в 1832 г., в связи с изданием т. XV Свода законов Российской империи, который целиком

¹⁹ См.: Правда Русская: в 2 т. Т. II. Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин и др.; под ред. Б.Д. Грекова. М.—Л., 1946. С. 71–75, 130–158.

²⁰ См.: Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / сост. В.Н. Автократов, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.Г. Поляк; ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 347, 348, 380–382.

²¹ См.: Тихомиров М.Н., Енифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы. М., 1961.

²² См.: Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 8.

²³ Уголовное право. Общая часть. 4-е изд., перераб. / под ред. В.Д. Меньшагине. М., 1948. С. 76.

¹⁸ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. / Н.С. Казанцев; сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. I. С. 42–57.

и полностью будет посвящен вопросам регламентации уголовно-правовых отношений. В последующем потребность в отдельных, самостоятельных, полностью уголовных в своем содержании кодексах станет неоспоримой.

Вторая тенденция развития отраслевых, уголовно-правовых законов состоит в том, что на всем протяжении истории единый кодифицированный уголовный закон сосуществовал со множеством иных, неинкорпорированных в кодекс нормативных актов. Сосуществование и противостояние единого кодекса и множества отраслевых источников существенным образом влияло на все аспекты функционирования уголовно-правовой системы. В связи с этим и система Особенной части уголовного права никогда не выражалась в полном объеме в главном, основном уголовном законе – будь то Русская правда или Воинские артикулы. Наряду с этими «ядерными» кодексами имели место и «периферийные» источники, в которых содержались уголовно-правовые запреты, дополнявшие, корректировавшие общую систему и лишь в совокупности своей позволяющие судить о системе Особенной части уголовного права того или иного периода.

Так, например, во второй половине XVI – начале XVII в. наряду с Судебником 1550 г. уголовно-правовые запреты содержались в Приговоре о разбойных делах 1555 г., Указе о татебных делах 1555 г., Уставных книгах Разбойного приказа 1616–1617 гг., постановлениях Стоглавого собора 1551 г.²⁴ Артикулы Петра I дополнялись не только результатами активной законотворческой деятельности императора, издавшего в сфере уголовного права 392 указа²⁵, но также Соборным уложением 1649 г., Новоуказными статьями о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 г. Даже на рубеже XIX–XX столетий мы фиксируем множественный характер источников российского уголовного права, включающий не только Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., но также военно-уголовное законодательство, Сельско-судебный устав, уголовное законодательство отдельных частей Российской Империи (Великого Княжества Финляндского, Царства Польского).

Такое многообразие источников выражения Особенной части уголовного права в законах вносит свои коррективы в представления о системе самой Особенной части, заставляя выделять в ней определенное «ядро», т.е. нормативные предписания, которые составляют элемент главного,

центрального источника, и все остальные. Однако в целях дальнейшего изучения заявленной темы представляется возможным до известных пределов пренебречь этой сложной структурой и сосредоточить основное внимание на центральном компоненте системы Особенной части.

Систематизация уголовно-правовых предписаний и формирование институтов Особенной части

Обращаясь к вопросу о внутренней систематизации уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права, целесообразно выделить два основных направления предстоящего анализа. Во-первых, это систематизация, а точнее классификация преступлений, вытекающая из положений уголовного законодательства, а во-вторых, это систематизация самих уголовно-правовых норм Особенной части уголовного права. До определенного момента, а если быть точным, то до Соборного уложения 1649 г., эти два направления составляют единый аспект анализа. Далее они в некоторой степени расходятся, поскольку систематизация преступлений и систематизация уголовно-правовых норм приобретают относительно самостоятельное значение.

Памятники русского права киевского и московского периодов российской истории излагали список преступлений относительно свободным образом, не выделяя в структуре законов структурных единиц выше статьи. В этой связи представление о структуре и системе Особенной части уголовного права может быть реконструировано только теоретическим путем, с применением приема классификации преступлений.

Систему Особенной части русского уголовного права периода Киевской Руси вполне убедительно изложил М.Ф. Владимирский-Буданов: «Классификация преступлений делается в Русской правде на основании их объектов; уже древнейшая Правда держится в этом случае определенной системы, рассматривая сначала преступления против личных прав: убийство, нападение на здоровье и на честь, затем преступления имущественные»²⁶. И далее: на основе норм Русской правды и иных источников уголовного права он воспроизводит следующую группировку преступных деяний: 1) преступления против жизни; 2) против здоровья; 3) против чести; 4) против свободы; 5) против прав имущественных; 6) против прав государства; 7) против веры; 8) против семейного права и нравственности.

Такая система в целом сохранялась достаточно долго, в т.ч. ввиду продолжительности действия самой Русской правды в качестве источника права. Но

²⁴ См.: Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). М., 2012. С. 27, 28.

²⁵ См.: Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

²⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 317, 318.

напомним еще раз: это система подчеркнута теоретическая, не нормативная. В Соборном уложении впервые встречаем попытку не просто перечислить уголовно-правовые предписания, но и сгруппировать их определенным образом уже непосредственно в тексте самого закона. Как было показано выше, минимум семь глав этого объемного документа имели заголовки, прямо указывающие на существо запрещенных этими главами деяний. Вместе с тем с учетом уровня теоретической обработки нормативного материала в Уложении сама структура этого документа не дает полного представления о системе предусмотренных в нем преступных деяний, ибо отдельные преступления фиксировались в главах, наименование которых не имеет прямого отношения к уголовному праву, в то время как в иных главах (например, в гл. 22) было сосредоточено несколько видов преступлений. Некоторые авторы пишут, что такая классификация включает в себя: преступления против религии и церкви, преступления государственные, преступления по службе, против интересов частных лиц (жизни, здоровья, нравственности, имущественных прав)²⁷.

В Воинском артикуле Петра I нормативные предписания также изложены в определенном порядке: преступления против религии и церкви (гл. 1, 2), преступления против императора (гл. 3), воинские преступления (гл. 4–15), преступления против безопасности государства (гл. 16), преступления против общественной безопасности и порядка (гл. 17), преступления против чести и достоинства (гл. 18), против жизни (гл. 19), половые преступления (гл. 20), преступления против собственности (гл. 21), преступления против правосудия и управления (гл. 22). Такая структура закона, учитывая, что сами Артикулы есть преимущественно уголовно-правовой нормативный акт, уже гораздо полнее и четче, вплоть до полного совпадения, отражает систему Особенной части и систему самого закона (хотя, разумеется, отступления от этой общей логики в тексте памятника еще встречаются).

Этот момент представляется особенно важным в свете рассматриваемой нами темы и свидетельствует о важном этапе в истории особенной части уголовного права. Если в ранних памятниках права складывалась по большей части инстинктивная группировка норм без выделения законодательных рубрик, в Соборном уложении был отчетливо выражен опыт нормативной структуризации текста с попыткой соотнести элементы структуры закона с элементами системы Особенной части, то в Артикулах мы можем наблюдать первый, вполне завершённый опыт полного отражения системы

²⁷ См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц, М., 1986. С. 161.

Особенной части в структуре нормативного правового акта. Можно вполне уверенно утверждать, что именно в этом памятнике впервые уголовное право было полноценно представлено в качестве институционной системы и была создана платформа для последующего формирования системы институтов Особенной части уголовного права в рамках пандектной системы права²⁸.

Перестройка системы российского уголовного права по пандектному принципу составляет основное содержание отдельного периода в его истории, охватывающего 1813–1845 гг., хотя предпосылки к этому зрели и ранее. Потребность в обновлении и систематизации российского законодательства остро ощущалась уже при Петре I, который положил начало деятельности многочисленных комиссий по составлению нового Уложения. С разными нюансами перед этими комиссиями ставилось две основные задачи: свести в единый свод все изданные нормативные акты и сгруппировать их в отдельные «книги законов», исходя из отраслевого принципа строения права, при этом необходимость составления «книги законов уголовных» никогда не оспаривалась.

Более или менее очевидные результаты деятельности этих комиссий проявили себя только в первой трети XIX столетия, когда юридической общественности были продемонстрированы, как минимум, два проекта уголовного кодекса, основанные на принципиально иной, нежели средневековые памятники, структуре. Первый – проект Уголовного уложения Генриха Якоба (известный как проект 1813 г.) и второй – проект, составленный Григорием Ячейковым²⁹. Оба они исходили из уже апробированной в теории и зарубежном праве идеи вычленения в структуре уголовного закона его Общей и Особенной части. Проект 1813 г. состоял, к примеру, из трех частей: «Основания уголовного права», «О наказаниях за государственные и общественные преступления», «О наказаниях за частные преступления»³⁰. Тем самым впервые в российской юридической истории в структуре уголовного закона предлагалось выделить его Особенную часть в современном ее понимании.

Такое структурное оформление уголовного закона не было для юридической общественности абсолютно неведомым. Уже в проекте Уголовного Уложения, который был в общих чертах

²⁸ См.: Кораблев Р.Н., Диваева И.Р. К вопросу становления и развития институтов особенной части уголовного права во второй половине XVIII в. // Евразийский юрид. журнал. 2016. № 6 (97). С. 123–125.

²⁹ См.: Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 17.

³⁰ Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.

подготовлен комиссией, созданной Екатериной II в 1767–1772 годах, предусматривалось раздельное изложение общих вопросов уголовного права, касавшихся всех родов и видов преступлений, а также специальных вопросов о наказуемости отдельных видов преступлений, причем систематизированных в соответствии с идеями, изложенными в ее знаменитом Наказе: против закона или веры; против нравов; против тишины и спокойствия; против безопасности граждан³¹. Развернутое теоретическое обоснование вычленения в уголовных законах Общей и Особенной части изложено в работах И. Бентама, которые вне сомнений, были известны юристам³². Был известен к этому времени и опыт составления французского и австрийского уголовного кодексов, построенных на пандектной системе. С учетом всех этих обстоятельств идея разделения уголовного закона на Общую и Особенную часть была в целом поддержана и нашла свое прямое отражение в т. XV Свода законов 1832 г. «Свод законов уголовных»³³, а затем воспроизведена во всех последующих уголовных законах империи — Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (с продолжениями), Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Уголовном уложении 1903 г.

Выделение в структуре уголовного закона Особенной части как одной из важных вех в истории отрасли не вызвало в отечественной науке XIX столетия сколько-нибудь глубокого теоретического осмысления в качестве нового принципа построения уголовного закона. И. Нейман, к примеру, относился к такому делению как сугубо техническому: «Законы о преступлениях и наказаниях за оные разделяются на две главные части: первая содержит правила о преступлениях и налагаемых за оные наказаниях вообще; вторая имеет предметом положения о разных преступлениях и наказаниях за каждое из них определяемых. Первая из сих частей называется в учебных книгах общею, а вторая особенною частью уголовного права; но выражения сии, сами по себе неясные и не введенные в другие языки просвещенных народов кроме немецкого, оставлены нами как излишние технические

³¹ См. об этом: *Омельченко О. А.* Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. П. Титов. М., 1986. С. 32.

³² См.: *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. СПб., 1805. Т. 1. С. 296, 306–310.

³³ См.: Свод законов уголовных. СПб., 1832.

слова»³⁴. Большинство же авторов просто констатировали свершившееся разделение как факт, не придавая ему, по-видимому, особого правового значения. Подчеркивая тесную и неразрывную связь Особенной и Общей части уголовного закона, специалисты в большей степени обращали внимание на особенности организации науки уголовного права и его изучения. Так, А. Ф. Кистяковский писал: «Часть общая и часть особенная уголовного права — обе занимают одним и тем же предметом — преступлением и наказанием. Но каждая из них рассматривает их в различном виде, с различных сторон, каждая имеет свои специальные вопросы, хотя материал одной служит и для другой, а учения общей части предполагают существование особенной, для которой они служат фундаментом. Особенная часть, предполагая общие вопросы пройденными, занимается изложением учения о разных родах и видах преступлений в отдельности и о наказаниях им соответствующих. В особенной части рассматриваются и излагаются учения о преступлениях против государства, против личности, против собственности и т. д. В особенную часть входят также и те учения, которые излагаются в общей части, но только в применении к отдельным родам и видам преступлений. Так, в этой части может идти речь об умысле, вине неосторожной покушении, стечении преступников, не в их общей постановке, а в их применении, например, к убийству, поджогу и т. п.»³⁵.

Такое отношение во многом обусловило в целом незначительное внимание, которое наука XIX в. уделяла вопросам Особенной части уголовного права. Как писал С. В. Познышев, «к сожалению, в настоящее время особенная часть представляется очень неразработанной и, может быть, понадобится еще целое поколение ученых прежде, чем она достигнет всей желательной полноты и высоты развития. Этой неразработанностью и объясняется, что в курсах и очерках особенной части господствующее место занимает положительное право»³⁶. Вопросы изучения теории Особенной части уголовного права в литературе того времени ограничивались по преимуществу общим анализом системы Особенной части уголовного законодательства и вопросами классификации преступлений.

В нашу задачу не входит изложение системы Особенной части уголовного законодательства второй половины XIX в. Это, во-первых, заняло бы слишком большое пространство текста работы,

³⁴ *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 8, 9.

³⁵ *Кистяковский А. Ф.* Указ. соч. С. 7.

³⁶ *Познышев С. В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909. С. IX.

во-вторых, соответствующий материал легко почерпнуть при знакомстве с памятниками, в-третьих, опыт подобного представления особенной части уже имеется³⁷. Нет, пожалуй, оснований и исследовать качество этой системы, особенно оперируя современными представлениями о строе закона. Достаточно, по-видимому, сослаться на свидетельства современников, которые давали в целом не вполне лестные оценки системе Особенной части. По А.Ф. Кистяковскому, «история уголовных законодательств не представляет другого такого сборника уголовных законов, подобного нашему Уложению. По объему оно непомерно и не в пример велико... Уложение наше носит на себе печать работы, в которой видны только самые слабые признаки обобщения. Однородные преступления размещены по разным разделам. Одно и тоже преступление разбито на два, на три, вопреки природе самого преступления, и только на основании ходячего словоупотребления. Оттого нередко границы, отделяющие одно преступление от другого, бывают неуловимы. Редакторы этого усовершенствованного свода... стремились дроблением видов преступлений охватить разнообразные случаи действительной жизни. На деле же вышло, что этим внесено только много путаницы в практику, но главная цель — охватить разнообразие явлений жизни — не достигнута. Даже, напротив, следствие казуистичности постановлений Уложения, некоторые подвиды одного и того же преступления не могут улечься в дробные определения других подвидов и не подходят ни под одно из определений уложения. Вследствие этого наше уложение есть один из самых трудных законов для изучения, один из самых неподдающихся классификации материалов»³⁸. Н.А. Неклюдов образно выразился, что «наше Уложение — сырой, непочатый бор, в котором легко заблудиться даже опытному лесничему»³⁹.

Что же касается вопроса о классификации преступлений в Особенной части российского уголовного права, то важно обратить внимание, что ни один из авторов в своем изложении не следовал институциональному строению Особенной части уголовного закона.

³⁷ См., напр.: *Сизова В.Н.* Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864—1903 гг.) // Вестник СПбЮА. 2020. № 1 (46); *Сорокина А.В.* Система построения особенной части российских уголовных законов второй половины IX — начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2013. № 4 (10).

³⁸ *Кистяковский А.Ф.* [Рецензия] Руководство к особенной части Русского уголовного права. Магистра прав Н.А. Неклюдова // Сборник Государственных знаний. 1879. Т. 7. С. 45—57.

³⁹ *Неклюдов Н.А.* Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876.

До принятия свода законов 1832 г. специалисты строили систему Особенной части на основе идей, которые были озвучены в Наказе Екатерины II. Л. Цветаев, в частности, указывал, что «важнейшее и главнейшее разделение преступлений на публичные и частные руководствует нас к подробнейшему их разделению на 7 следующих видов: 1. Публичных (против веры и бога; против верховной власти (т.е. против государства, государственного постановления и учрежденных чиновников); против самого общества (т.е. против порядка, благоустройства, спокойствия, безопасности, торговли, казны, нравственности, полиции; против политических граждан, против народного права); 2. Частных (против семейственного права; против лица гражданина; против собственности)»⁴⁰.

Однако и в связи с принятием новых уголовных законов, демонстрирующих развернутую систему Особенной части, позиция ученых не изменилась. Деление преступлений на частные, общественные и государственные (с теми или иными несущественными вариациями в названиях) воспроизводят едва ли не все авторы⁴¹.

На несовпадение устоявшейся теоретической и нормативной классификации преступлений обратил внимание А.Ф. Бернер: «Новейшие уголовные уложения стали все более и более отделяться от подразделения отдельных преступлений на особые рубрики, потому что эти общепринятые деления казались им отчасти слишком школьными и неопределенными для практики, отчасти запутанными и отчасти даже ошибочными. Наши законодатели времен настоящих довольствуются тем, что излагают одно преступление за другим в порядке из ближайшего между собой сродства и в возможно широкой связи. <...>. Для изложения уголовного права как науки этот способ отношения к предмету, соответствующий целям законодателя, недостаточен. <...>. Ежели мы не желаем отделаться совершенно от научных требований системы, то нам остается только один исход: расположить отдельные преступления смотря по коренному их характеру. Главнейший пункт, которым может быть определен этот главный характер, заключается в предмете правонарушения: <...> сфера отдельных лиц, семейства, общества, государства и церкви»⁴².

⁴⁰ *Цветаев Л.* Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. М., 1825. С. 8, 19—34.

⁴¹ См.: *Познышев С.В.* Указ. соч. С. IX, X; *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 344.

⁴² *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. II. Часть Особенная. СПб., 1867. С. 3, 4.

Путь построения научной системы Особенной части уголовного права в рассматриваемый период был только намечен, но не пройден. Показательно, что специалисты определили и основное направление такой систематизации, указав на критерий систематизации уголовно-правовых предписаний. Если А. Ф. Бернер признавал им «предмет нарушения» или «сферу» его проявления, то Ф. Лист и М. Н. Гернет уже отмечали, что основанием для деления Особенной части уголовного права выступают «различие юридических благ, защищаемых наказанием и затрагиваемых преступлением», «объект или содержание блага», защищаемого законом⁴³.

Заключение

Подводя итог исследованию закономерностей формирования Особенной части уголовного права, можно указать основное достижение истории права и науки к середине XIX столетия. К этому моменту была не только реализована идея создания самостоятельного уголовного закона, но также, во-первых, воплощен на практике принцип пандектного его строения, предполагающий вычленение в структуре Кодекса его Особенной части, и, во-вторых, принцип построения самой Особенной части, исходя из институционального строения отрасли и содержания охраняемых законом благ. Вместе с тем научное осмысление системы Особенной части даже к концу XIX в. не сложилось в стройную отраслевую теорию. Причин множество: и общий уровень развития науки, и недостаток исторического времени, и иные приоритеты научного развития и т.д. Важно, однако, зафиксировать, что сама задача изучения Особенной части уголовного права в качестве отдельного предмета науки была поставлена вполне определенно. Решение ее выпало уже на иной исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов В. К. Закономерности развития запрительно-карательных институтов социального регулирования: от табу к уголовному праву // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 121–127.
2. Андрианов В. К., Пудовочкин Ю. Е. Закономерности уголовного права. М., 2019. С. 65.
3. Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.
4. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 344.
5. Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. СПб., 1805. Т. 1. С. 296, 306–310.
6. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. II. Часть Особенная. СПб., 1867. С. 3, 4.
7. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 317, 318.
8. Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013. С. 27–42.
9. Гернет М. Н. Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон, 1913. С. 66.
10. Кириенко М. С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
11. Кистяковский А. Ф. [Рецензия] Руководство к особенной части Русского уголовного права. Магистра прав Н. А. Неклюдова // Сборник Государственных знаний. 1879. Т. 7. С. 45–57.
12. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. 2-е испр. и значительно доп. изд. Киев, 1882. С. 7, 41.
13. Кораблев Р. Н. К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в рос. законодательстве. 2015. № 4. С. 191–194.
14. Кораблев Р. Н., Диваева И. Р. К вопросу становления и развития институтов особенной части уголовного права во второй половине XVIII в. // Евразийский юрид. журнал. 2016. № 6 (97). С. 123–125.
15. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельшевич. М., 1905. С. 1.
16. Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 8, 9.
17. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876.
18. Омельченко О. А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века // Вопросы

⁴³ См.: Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельшевич. М., 1905. С. 1; Гернет М. Н. Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон, 1913. С. 66.

- истории уголовного права и уголовной политики: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.П. Титов. М., 1986. С. 32.
19. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. и с предисл. С.В. Юшкова. М., 1952. С. 237, 238; 259–262.
 20. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / сост. В.Н. Автократов, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.Г. Поляк; ред. Л.В. Черепнина. М., 1955. С. 347, 348, 380–382.
 21. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / сост. А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.И. Копанев, А.Г. Поляк; под ред. и с предисл. Л.В. Черепнина. М., 1956. С. 260.
 22. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Е.Г. Баскаковой и др. М., 1957. С. 77.
 23. Памятники русского права: в 8 вып. Вып. 8. Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в. / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Н.А. Дурманов и др. М., 1961. С. 208, 209.
 24. *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909. С. IX, X.
 25. Правда Русская: в 2 т. Т. II. Комментарии / сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин и др.; под ред. Б.Д. Грекова. М. – Л., 1946. С. 71–75, 130–158.
 26. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 439.
 27. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение об уголовном законе: лекции. М., 2014. С. 12.
 28. *Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К.* Закономерности возникновения уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 6 (24). С. 26–35.
 29. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1986. С. 161.
 30. *Рожнов А.А.* История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). М., 2012. С. 27, 28.
 31. *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.
 32. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 140.
 33. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 418.
 34. Свод законов уголовных. СПб., 1832.
 35. *Сизова В.Н.* Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864–1903 гг.) // Вестник СПбЮА. 2020. № 1 (46).
 36. *Сизова В.Н.* Система Особенной части российского уголовного законодательства. М., 2021.
 37. *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 17.
 38. *Сорокина А.В.* Система построения особенной части российских уголовных законов второй половины IX – начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2013. № 4 (10).
 39. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. / Н.С. Казанцев; сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. М., 1994. Т. 1. С. 42–57.
 40. *Тихомиров М.Н., Енифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы. М., 1961.
 41. Уголовное право. Общая часть. 4-е изд., перераб. / под ред. В.Д. Меньшагина. М., 1948. С. 76.
 42. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 13–18.
 43. *Цветаев Л.* Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. М., 1825. С. 8, 19–34.
 44. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (по изд. 1957 г.). СПб., 1995. С. 746.
 45. *Явич Л.С.* Право и социализм. М., 1982. С. 12, 13.
 46. *Bezverkhov A. G., Norvartyan Yu. S.* Systematicity of the Criminal Legislation of Russia: Methodology Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Т. 12. № 3. С. 325–342.

REFERENCES

1. *Andrianov V.K.* Regularities of the development of prohibitive and punitive institutions of social regulation: from taboo to criminal law // Socio-political sciences. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 121–127 (in Russ.).
2. *Andrianov V.K., Pudovochkin Yu. E.* Regularities of Criminal Law. М., 2019. P. 65 (in Russ.).
3. *Bezverkhov A. G., Korostelev V.S.* Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813. Samara, 2013 (in Russ.).

4. *Belogrits-Kotlyarevsky L.S.* Textbook of Russian Criminal Law. General and Special parts. Kiev, 1903. P. 344 (in Russ.).
5. *Bentham I.* Reasoning about civil and criminal legislation. With a preliminary presentation of the principles of the Law and the general outline of the complete Book of Laws, and with the addition of experience about the influence of time and place regarding the Laws. Translated by M. Mikhailov. SPb., 1805. Vol. 1. P. 296, 306–310 (in Russ.).
6. *Berner A.F.* Textbook of Criminal Law. Russian Law with notes and additions on the history of Russian law and positive legislation by N. Neklyudov. Vol. II. Special part. SPb., 1867. P. 3, 4 (in Russ.).
7. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Rostov n/D., 1995. P. 317, 318 (in Russ.).
8. *Georgievsky E.V.* Formation and development of general provisions of Old Russian Criminal Law. M., 2013. P. 27–42 (in Russ.).
9. *Gernet M.N.* Criminal Law. The General Part. Lectures given at the People's University of the Moscow Society of People's Universities. Kherson, 1913. P. 66 (in Russ.).
10. *Kiriyenko M.S.* The system of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2015 (in Russ.).
11. *Kistyakovsky A.F.* [Review] Guide to the special part of Russian Criminal Law. Master of Law N.A. Neklyudov // Collection of State knowledge. 1879. Vol. 7. P. 45–57 (in Russ.).
12. *Kistyakovsky A.F.* Elementary textbook of General Criminal Law with a detailed description of the principles of Russian criminal legislation. The General Part. 2nd rev. and significantly additional ed. Kiev, 1882. P. 7, 41 (in Russ.).
13. *Korablev R.N.* On the question of the periodization of Criminal Law in the framework of the formation and development of institutions of a Special part // Gaps in Russ. legislation. 2015. No. 4. P. 191–194 (in Russ.).
14. *Korablev R.N., Divaeva I.R.* On the question of the formation and development of institutions of a Special part of Criminal Law in the second half of the XVIII century // Eurasian legal journal. 2016. No. 6 (97). P. 123–125 (in Russ.).
15. *List F.* Textbook of Criminal Law. A Special part. Authorized by the author translated from 12 and 13 rev. ed. F. Elyashevich. M., 1905. P. 1 (in Russ.).
16. *Neumann I.* The Initial Foundation of Criminal Law. SPb., 1814. P. 8, 9 (in Russ.).
17. *Neklyudov N.A.* A guide to the Special part of the Russian Criminal Law. Vol. 1. Crimes and offences against the person. SPb., 1876 (in Russ.).
18. *Omelchenko O.A.* The criminal policy of “enlightened absolutism” and the development of Russian Criminal Law in the second half of the XVIII century // Questions of the history of Criminal Law and criminal policy: collection of scientific works / ed. Yu. P. Titov. M., 1986. P. 32 (in Russ.).
19. Monuments of Russian law: in the 8 issues. Issue 1. Monuments of the law of the Kiev state. X–XII centuries / comp. A.A. Zimin; ed. and with a preface by S.V. Yushkov. M., 1952. P. 237, 238; 259–262 (in Russ.).
20. Monuments of Russian law: in 8 issues. Issue 3. Monuments of law of the period of formation of the Russian centralized state. The end of the XIV – beginning of the XV centuries / comp. V.N. Avtocratov, A.A. Zimin, S.M. Kashtanov, A.G. Polyak; ed. L.V. Cherepnin. M., 1955. P. 347, 348, 380–382 (in Russ.).
21. Monuments of Russian law: in the 8 issues. Issue 4. Historical monuments of law of the period of the Russian centralized state of the XV–XVII centuries / comp. A.A. Zimin, S.M. Kashtanov, A.I. Kopanov, A.G. Polyak; ed. and with a preface by L.V. Cherepnin. M., 1956. P. 260 (in Russ.).
22. Monuments of Russian law: in 8 issues. Issue 6. The Cathedral Code of Tsar Alexey Mikhailovich of 1649 / ed. and with a preface by K.A. Sofronenko; prepared by E.G. Baskakova and others M., 1957. P. 77 (in Russ.).
23. Monuments of Russian law: in 8 issues. Issue 8. Legislative acts of Peter I, the first quarter of the XVIII century / ed. and with a preface by K.A. Sofronenko; prepared N.A. Durmanov and others. M., 1961. P. 208, 209 (in Russ.).
24. *Poznyshhev S.V.* A Special part of Russian Criminal Law. A comparative sketch of the most important departments of the Special part of the old and new Codes. 2nd ed., rev. and add. M., 1909. P. IX, X (in Russ.).
25. Russian Truth: in 2 vols. The Second. Comments / comp. B.V. Alexandrov, V.G. Geiman, G.E. Kochin, etc.; ed. by B.D. Grekov. M.–L., 1946. P. 71–75, 130–158 (in Russ.).
26. *Presnyakov A.E.* Princely law in Ancient Russia: lectures on Russian history. Kievan Rus. M., 1993. P. 439 (in Russ.).
27. *Pudovochkin Yu. E.* The doctrine of the Criminal Law: lectures. M., 2014. P. 12 (in Russ.).
28. *Pudovochkin Yu. E., Andrianov V.K.* Regularities of the emergence of Criminal Law // Library of Criminal Law and Criminology. 2017. No. 6 (24). P. 26–35 (in Russ.).
29. The development of Russian law in the XV – first half of the XVII centuries / ed. V.S. Nersesyants. M., 1986. P. 161 (in Russ.).
30. *Rozhnov A.A.* History of the Criminal Law of the Moscow state (XIV–XVII centuries). M., 2012. P. 27, 28 (in Russ.).

31. *Romashkin S.P.* Basic principles of the criminal and military criminal law of Peter I.M., 1947. P. 16 (in Russ.).
32. Russian legislation X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 1. The law of Ancient Russia / ed. ed. by V.L. Yanin. M., 1984. P. 140 (in Russ.).
33. *Rybakov B.A.* Kievan Rus' and Russian princedoms XII–XIII centuries. M., 1982. P. 418 (in Russ.).
34. The Set of Criminal Laws. SPb., 1832 (in Russ.).
35. *Sizova N.* The development of the structure of the Special part of the system of codified Russian Criminal Law (1864–1903) // Herald of the SPbLA. 2020. No. 1 (46) (in Russ.).
36. *Sizova N.* The system of the Special part of the Russian criminal legislation. M., 2021 (in Russ.).
37. *Solodkin I.* Essays on the history of Russian Criminal Law (the first quarter of the XIX century). L., 1961. P. 17 (in Russ.).
38. *Sorokin A.V.* The build system of the Special part of the Criminal Laws of the Russian second half of XIX – early XX century // Herald of the Tomsk state University. Law. 2013. No. 4 (10) (in Russ.).
39. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law: lectures. General Part: in 2 vols / N.S. Kazantsev; comp. and ed. by N.I. Zagorodnikov. M., 1994. Vol. 1. P. 42–57 (in Russ.).
40. *Tikhomirov M.N., Epifanov P.P.* The Cathedral Code of 1649: textbook for students of the high school. M., 1961 (in Russ.).
41. Criminal Law. The General part. 4th ed., reprint. / ed. V.D. Men'shagine. M., 1948. P. 76 (in Russ.).
42. *Feldshtein G.S.* Main trends in the history of the science of Criminal Law in Russia / ed. and with a preface by V.A. Tomsinov. M., 2003. P. 13–18 (in Russ.).
43. *Tsvetaev L.* The outline of the theory of Criminal Laws, published for the use of students. M., 1825. P. 8, 19–34 (in Russ.).
44. *Chel'tsov-Bebutov M.A.* Course of criminal procedural law. Essays on the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal and bourgeois states (according to the 1957 edition). SPb., 1995. P. 746 (in Russ.).
45. *Yavich L.S.* Law and Socialism. M., 1982. P. 12, 13 (in Russ.).
46. *Bezverkhov A.G., Norvartyan Yu.S.* Systematicity of the Criminal Legislation of Russia: Methodology Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 325–342.

Сведения об авторе

АСЛАНЯН Руслан Георгиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета; 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149 ORCID 0000-0003-0149-3081

Authors' information

ASLANYAN Ruslan G. – PhD in Law, associate Professor of the Department of Criminal Law and criminology of Kuban state University; 149 Stavropol str., 350040 Krasnodar, Russia